

ЛЕСЯ ЯРОВОВА

НЕСПОСОБНОСТЬ К
СМИРЕНИЮ

Часть сборника: Русская фантастика – 2018. Том 2 (сборник)

Леся Ярлова

Неспособность к смирению

«ЭКСМО»

2018

Ярлова Л.

Неспособность к смирению / Л. Ярлова — «Эксмо», 2018

«Когда случается нечто долго и напряжённо ожидаемое, человеку свойственно испытывать смешанные чувства. В его душе недоумение борется с разочарованием и радостью, но побеждает облегчение, которое приносит счастливая или несчастная, но всегда избавительная, определённая...»

© Ярлова Л., 2018

© Эксмо, 2018

Леся Ярова Неспособность к смирению

Когда случается нечто долго и напряжённо ожидаемое, человеку свойственно испытывать смешанные чувства. В его душе недоумение борется с разочарованием и радостью, но побеждает облегчение, которое приносит счастливая или несчастная, но всегда избавительная, определённая.

Повестку Игорь получил жарким субботним утром. Саша сразу поняла по тому, как он вошёл, держа бумажку на отлёте, как аккуратно положил её на стол и повернул к жене бледное, слишком спокойное лицо. Она попыталась растянуть в улыбке ставшие резиновыми губы, но не сумела, расплакалась.

– Ну-ну, мышонок, не надо, – попросил Игорь, шагнул к ней, обнял крепко. – Радоваться надо, на самом деле, сколько можно окопы копать? Меня на фронте заждались.

Саша всхлипнула и потёрлась носом о пахнущее чистой рубашкой плечо мужа. Она знала, как сильно тяготит Игоря невозможность попасть на фронт, как остро реагирует он на недоумевающие взгляды, а то и на прямые вопросы коллег, соседей, сослуживцев по Ленинградской Армии Народного Ополчения. Что делает здоровый, как лось, мужик среди женщин, стариков, подростков и инвалидов? Почему он не на передовой, где ему положено умирать вместе с их сыновьями, мужьями и братьями? Всем не объяснишь, Игорь молча страдал и ждал повестку. Саша ждала вместе с ним, но ничего не могла с собой поделать, тайно благодарила судьбу за камни в желчном пузыре мужа, за тяжёлую операцию и долгий период восстановления. Но – всему приходит конец, и вот она, неумолимая серая бумага.

Саша взяла себя в руки, отстранилась от мужа.

– Пирожков тебе напеку в дорогу.

Игорь погладил жену по виску, заправил за ухо непослушную кудрявую прядь, и от этого жеста, такого привычно обыденного, Саша чуть было не завывала белугой – как же она без него?

– Я ненадолго, мышонок, – улыбнулся Игорь и поцеловал её в нос. – Прогоним немцев, и вернусь.

Завтракали в тишине. Повестка лежала на подоконнике, её молчаливое присутствие давило, как взгляд строгой дуэньи при испанских обручённых. Такой завтрак не хотелось затягивать, Саша быстро допила чай и принялась собираться.

– Ты куда это? – удивился Игорь.

– Наших сегодня увозят, забыл? Проводить надо, может, помочь чем.

– Мне вот интересно, мышонок, по кому ты будешь скучать больше – по мне или по своей любимой Милли?

Саша прищурилась, нарочито оценивая оглядывая мужа. Надо сказать, муж был немыслимо хорош: земляные работы на Лужском рубеже явно пошли ему на пользу. Сейчас Игорь ничем не напоминал исхудавшего, бледного до синевы юношу, каким был в больнице. Честно говоря, и учителя истории, за которого Саша вышла замуж три года назад, он напоминал разве что необычным для северных широт блеском чёрных-пречёрных глаз. Узкий в кости, крепкий, загорелый жёлтым балтийским загаром, Игорь улыбался, обнажая белые зубы, и, в свою очередь, с явным удовольствием рассматривал жену.

«Смотри-смотри, кто его знает, когда теперь увидимся, да и увидимся ли вообще», – подумала Саша и чуть было не расплакалась снова, отвернувшись, пряча жалобно перекошенное лицо, взяла сумочку и выскочила на улицу.

В Ленинграде редко случаются по-настоящему жаркие дни, этот был одним из них. Саша пробежала три квартала по словно впитывающим солнце улицам, обогнула главные ворота зоосада и нырнула в неприметную калитку. Сегодня её подопечным, двум пантерам и четырём тиг-

рам, предстояло долгое путешествие в компании американского тапира, носорога Милли и ещё восьмидесяти счастливицев, которых готов был принять Казанский зоопарк. Из Ленинграда второй месяц потихоньку эвакуировали людей, заводы и музеи, вот и для животных нашлось место.

Группу армий «Север» остановили, но ходили слухи, что город будут бомбить, что ограничат поставки продовольствия и введут карточки, что Лужский рубеж не остановит немецких «Тигров», куда более страшных, чем полосатые хищники, живущие небольшим прайдом в вольере Ленинградского зоопарка, но Саша не верила паникёрам. Куда проще было верить дикторам на радио, предсказывающим скорое начало победоносного шествия советских войск.

«Мы погоним фашистские войска от Ленинграда», – говорил диктор, и люди верили, несмотря на поток беженцев из Пскова и Новгорода, вступление в войну финнов и массовую эвакуацию населения.

Годы спустя Саша задавала себе вопрос, выжили бы они, если бы знали тогда, что им предстоит выдержать, и не находила ответа. Но она никогда не позволяла себе жалеть, что не попала в эвакуацию. Не позволяла, просто чтобы не сойти с ума, не изгрызть пальцы до крови, не разбить голову о стену. Она просто шла на кухню и брала кусок хлеба, подносила к лицу, вдыхала тёплый сытный запах. Её успокаивал запах хлеба. Домашние думали, что она расстраивается, находя хлебницу пустой, потому что боится голода, и она не разубеждала их, пусть себе объясняют, как им проще. Она никогда не рассказывала детям и внукам про блокаду, потому что те восемьсот семьдесят два дня научили её милосердию.

Слониха Бетти нервничала, вытягивала шею, всматриваясь в суету у вольеров хищников, где бенгальских тигров кололи снотворным и укладывали в приготовленные для перевозки клетки. Носорог уже лежал, надёжно закреплённый ремнями, львы ждали своей очереди, метались по вольеру, тревожно взрыкивая.

Саша погладила Бетти по хоботу, успокаивая.

– Не волнуйся, маленькая, они просто заснут и проснутся в другом зоопарке, там им будет хорошо. Ты тоже поедешь, попозже, а потом война закончится, и вы все вернётесь, а мы вас будем здесь ждать, и всё будет хорошо, ты только поверь.

Но Бэтти не поверила, переступила серыми морщинистыми ногами и затрубила, высоко задрав хобот. Ей ответил тапир, заволновались, завyli хором волки, заверещали обезьяны.

– Саша, где ты ходишь? Иди скорее сюда! – позвала Евдокия Ивановна, и Саша побежала к ней, на ходу натягивая рабочий халат.

Они провозились до вечера, наконец последний грузовик увёз белого медведя.

– Ну что, чайку? – предложила начальница, вытирая пот перемазанной зелёной рукой: один из волков в панике прикусил другому лапу.

– Спасибо, Евдокия Ивановна, я домой. Игорь завтра...

У Саши перехватило горло, она замолчала, но Евдокия Ивановна и так поняла.

– Пришла повестка, значит, – и протянула задумчиво Саше чистый носовой платок. – Ты поплачь, если хочешь, здесь, дома не надо только.

Плакать Саша не стала, ни на работе, ни дома. Она замесила тесто на пирожки, сварила картошку для начинки, приготовила мужу чистую рубашку, две смены белья.

– Что ты там возишься? Иди сюда, – позвал Игорь из спальни, и она пошла, осторожно, как по льду.

Разделась, потушила свет и нырнула под одеяло, к его тёплому боку, гладкому животу и жадным горячим рукам.

* * *

Здравствуй, родная моя Сашенька.

Не знаю, как начать это письмо, потому что о том, что тебе больше всего хочется знать, я писать не могу – нельзя. Так что новостей никаких у меня нет, кроме того, что я жив, здоров, цел и люблю тебя. Каждый день смотрю на твою фотографию и думаю, чем ты там занята, о чём думаешь. Зверей ваших, наверное, давно вывезли, и теперь тебе не о ком заботиться. Я фантазирую, как ты спишь до полудня, а потом до вечера валяешься с книжкой и пьёшь чай со своей дурацкой мятой, которой без того пропах весь дом, а больше ничего придумать не могу. Так что ты напиши мне про всё, что делаешь, вот прямо весь свой день, каждый час без меня опиши, можно в дневник. А я потом приеду и всё прочитаю, чтобы ничего про тебя не упустить.

Ничего не бойся, Саша. Верь. Что бы ни случилось, верь, что мы справимся, победим, и я вернусь к тебе, милый мой мышонок.

* * *

Зверей вывезти не удалось, немцы захватили станцию Мга, и поезда больше не ходили. Финны вошли в Выборг и Зеленогорск и не собирались останавливаться. Настало первое сентября, но на улицах не появились серьёзные первоклашки с вечными астрами – учебный год так и не начался. Город зажимали в тиски, он сопротивлялся, но пока без толку, советские войска оставили Нарву, Лугу, Любань, а враг всё наступал.

Второго сентября ввели карточки: шестьсот граммов хлеба рабочим, четыреста служащим, триста детям и иждивенцам. Сократились пайки животных, они бродили по вольерам голодные и растерянные. Теперь сотрудники зоопарка косили траву на газонах и собирали в мешки начавшие желтеть листья.

Саша, как и Евдокия Ивановна, делилась хлебом с козами. Она смотрела, как несутся к загороди ленивые в былые времена животные, как блеют и толкаются, подбирая крошки еды, и сердце сжималось от сострадания. Ладони её, только-только зажившие после лопаты, снова покрывали кровавые мозоли, теперь от косы. Травы поблизости не осталось, они ходили косить за пять кварталов, потом ещё дальше.

Финнов остановили на реке Свирь, они разместили на её берегу дальноточную артиллерию и принялись обстреливать город. Люди говорили, что Гитлер пообещал уничтожить Ленинград, сровнять с землёй вместе с жителями. Саша не верила – разве может такое быть? Однако снаряды рвались, превращая в развалины жилые дома и промышленные кварталы. Люди сначала пугались, прятались в подвалах, потом по привычке – гремит и гремит, авось пронесёт. Зверям приходилось хуже. Природа не озаботилась снабдить их полезным феноменом – привычкой ко всему, что случалось или могло случиться в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.